

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Особенности восприятия студенческой молодежью современных политических лидеров России (по материалам психосемантического исследования)

В.С. СОБКИН*,
Москва, Россия,
sobkin@mail.ru

М.А. МНАЦАКАНЯН**,
Москва, Россия,
004000@inbox.ru

В статье представлены результаты исследования особенностей восприятия молодежью современных политических деятелей. В исследовании использовалась методика многомерного семантического дифференциала, где испытуемым предлагалось оценить 15 объектов (политические лидеры, «мой идеал», «идеальный лидер», «антипатичный мне человек» и «Я») по 33 личностным характеристикам, используя семибальную шкалу. Результаты показывают, что структура восприятия студентами политических лидеров весьма проста и строится относительно трех модальностей: «нравственность», «сила» и «интеллект». Сопоставление результатов настоящего исследования с данными, полученными по той же методике в 2004 г. позволило сделать вывод о том, что современные политические лидеры не оцениваются молодежью относительно морально-нравственных качеств, а в большей степени воспринимаются через силовые качества, связанные с социальной манипуляцией.

Ключевые слова: политические лидеры, лидерство, семантический дифференциал, социальная психология, политическая психология, студенческая молодежь.

Для цитаты:

Собкин В.С., Мнацаканян М.А. Особенности восприятия студенческой молодежью современных политических лидеров России (по материалам психосемантического исследования) // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. № 3. С. 46–63. doi: 10.17759/sps.2015060304.

* Собкин Владимир Самуилович — доктор психологических наук, профессор, академик РАО, директор, Институт социологии образования Российской академии образования (ФГНУ ИСО РАО), Москва, Россия, sobkin@mail.ru

** Мнацаканян Милена Артуровна — младший научный сотрудник, Институт социологии образования Российской академии образования (ФГНУ ИСО РАО), Москва, Россия, 004000@inbox.ru

Отличие государственного деятеля от политика в том, что политик ориентируется на следующие выборы, а государственный деятель - на следующее поколение.

У. Черчилль

Гражданская активность населения резко возрастает в период сложных экономических, социальных и политических изменений. Весьма отчетливо это проявляется и в ситуациях подготовки к выборам. В процессе политических дебатов кандидаты выдвигают предвыборные программы, высказывая как партийную, так и личную точку зрения, стремясь завоевать доверие и голоса избирателей. При этом возникает ряд вопросов относительно тех психологических параметров, которые определяют выбор избирателей в пользу того или иного кандидата. Здесь, безусловно, особое значение имеют личностные качества претендента. Насколько они соответствуют представлениям о характеристиках идеального лидера и представлениям избирателя о самом себе? На что именно ориентируется избиратель? Какие личностные качества и характеристики он приписывает политическим лидерам? Эти психологические аспекты крайне важны для понимания особенностей политического лидерства в целом и российского, в частности.

Существуют разнообразные подходы к выделению значимых для политического лидера характеристик. Согласно Н. Макиавелли, политический лидер (государь) должен обладать такими качествами, которые позволяют ему представлять интересы общества, соединять его, и, вместе с тем, использовать любые средства для поддержания общественного порядка и сохранения собственного господства [4]. Обсуждая проблему лидерства М. Вебер, указывал на «*харизму*» как особое качество личности, «благодаря кото-

рому она оценивается как одаренная сверхъестественными, сверхчеловеческими или, по меньшей мере, специфически особыми силами и свойствами, не доступными другим людям» [2].

При рассмотрении характеристик, касающихся проблем политического лидерства, одной из важных является понятие авторитарности. Само понятие «авторитарная личность» впервые было введено Э. Фроммом, для исследования истоков нацизма. Авторитарная личность, согласно Э. Фромму, страдает от одиночества, затерянности в сложных социальных обстоятельствах. Эти негативные чувства обостряют инстинкт самосохранения и жажду самоутверждения. Если воля к самореализации не может найти выход в демократически ориентированной социальной деятельности, то тогда она, по мнению Э. Фромма, реализуется на путях авторитаризма с помощью самоидентификации личности с авторитетом группы, государства, т.е. с харизматическим лидером. В этом и состоит феномен «бегства от свободы».

В своей работе, посвященной этой проблеме, Э. Фромм показал, что авторитарный характер обладает одновременно садистическими и мазохистскими чертами. Первые проявляются в желании иметь неограниченную власть над другими и в агрессии по отношению к подчиненным; вторые связаны с готовностью подчиниться и следовать указаниям внутренней или внешней власти. При этом, с точки зрения Э. Фромма, в сознании авторитарной личности отсутствует понятие равенства, наоборот, такой человек делит окружающих людей на «высших»

и «низших», в зависимости от того, наделены они властью или нет [16].

Одним из первых исследователей в этой области был психоаналитик В. Райх, который в начале 1930-х гг. провел специальное исследование авторитарности и ее связи с фашизмом. С его точки зрения, люди авторитарного типа получили особое воспитание, в основе которого лежит подавление сексуальности; сексуальное торможение, вызванное системой запретов, налагаемых на ребенка в семье, выступило одним из основных факторов, способствующих становлению фашистской ментальности. В качестве важной черты авторитарного сознания В. Райх называет стремление личности к самоидентификации с государственной властью или иным авторитетом, что позволяет ей избавиться от бессознательной тревоги [11].

А. Маслоу в работе «Структура авторитарного характера» выделил следующие основные черты этого типа личности: стремление к внешним атрибутам престижа (статусу, деньгам, власти); наличие предрассудков; садомазохистские тенденции; постоянная неудовлетворенность и неспособность достичь удовлетворения жизнью; стремление к унижению других для возвышения и подтверждения своего статуса; тенденция к избеганию ответственности [5].

Важным этапом в исследовании феномена авторитарности стала коллективная работа Т. Адорно, Э. Френкель-Брунsvик, Д. Левинсона и Н. Сэнфорда «Авторитарная личность» [1]. С целью создания психологического инструмента для диагностики авторитарных личностных качеств ими был разработан ряд диагностических методик, в том числе шкала фашизма, являющаяся наиболее изве-

стной и широко используемой до сих пор. Инструмент включает в себя шкалы антисемитизма, этноцентризма и политико-экономического консерватизма, позволяя при этом выявить уровень указанных проявлений без упоминания конкретных меньшинств или общественных проблем. При работе над данной шкалой авторы опирались на идею об особом образе мышления, присущем восприимчивым к фашистской идеологии личностям. Для определения типа личности использовались такие характеристики, как конвенционализм, авторитарные представления, авторитарная агрессия, стремление к власти, цинизм и другие. При этом авторитарная личность сама предрасположена к подчинению более сильным лидерам, традициям и принятым нормам [4].

Известный французский психолог С. Московичи, занимаясь изучением психологии масс, показал, что, воздействуя на толпу, авторитарный лидер использует в большей степени невербальные качества (авторитет, харизма, обаяние), чем рациональные доводы. При этом, согласно концепции С. Московичи, потребность в подчинении, также как и потребность во власти, формируется у индивида в раннем детстве, где семья, и, в первую очередь, отец, выступают в качестве прообраза вождя, который оказывает влияние на формирование личности ребенка [6; 7].

Что касается отечественных исследований, посвященных изучению отношения к современным политическим деятелям, то здесь стоит отметить работы В.Ф. Петренко [9; 10], В.П. Швейнова [17], Е.Б. Шестопал [18], П.С. Гуревича [3] и других авторов, анализирующих восприятие политических лидеров пост-

советского пространства. Политический образ представляет собой проекцию ожиданий субъекта восприятия. В образе политического лидера отражаются знания, представления, мнения, оценки, ожидания, эмоции и требования массового сознания к власти.

Одним из важнейших инструментов при изучении восприятия (отношения) к политическим лидерам является анализ общественного мнения. Традиционно с этой целью проводятся мониторинговые социологические опросы, где используются, как правило, одномерные шкалы, показывающие отношение респондентов к тем или иным политическим деятелям. Так, в исследованиях ВЦИОМ, Левада-Центра и других социологических центров респондентам задаются вопросы следующего типа: «Доверяете ли вы перечисленным политикам...?» или «Если бы выборы президента проводились в ближайшее воскресенье, то за кого из кандидатов Вы бы проголосовали?» и т.п. Подобные опросы, построенные на использовании одномерных шкал, позволяют выявить лишь общую картину отношения к политикам. Однако они не позволяют провести более детальный анализ восприятия образа того или иного политического деятеля. Как правило, в лучшем случае исследования ограничиваются рейтингом «предпочтений» и «доверия» избирателей.

С нашей точки зрения, одним из наиболее эффективных методов для выявления содержательных особенностей восприятия в массовом сознании политических лидеров является процедура многомерного шкалирования, основанная на методике семантического дифференциала. Этот метод был разработан в

1955 г. группой американских психологов во главе с Ч. Осгудом [20].

Сегодня его применяют в психологии и социологии, теории массовых коммуникаций и рекламе, а также в области экспериментальной эстетики. Одной из разновидностей метода являются так называемые личностные семантические дифференциалы, построенные на базе прилагательных, обозначающих черты личности и ориентированные на оценку самого себя или другого человека. Адаптация методики личностного семантического дифференциала идет по линии построения семантических пространств для различных социальных групп. С его помощью могут быть реконструированы групповые представления об определенных социально значимых личностях [9; 10].

В нашей стране первым исследователем, использовавшим метод семантического дифференциала для анализа динамики общественного сознания, был В.Ф. Петренко. Его работы затрагивают достаточно широкий спектр проблем, связанных с изучением политического менталитета россиян: отношение избирателей к политическим партиям, лидерам и др. Отметим, что в ряде его исследований использовались оригинальные приемы, когда испытуемым предлагалось оценить политические партии и лидеров, соотнося их с тезисами политических программ, либо высказываниями, характеризующими деятельность и образ оцениваемого объекта (так, например, в исследовании восприятия россиянами политических партий предлагалось оценить каждую партию по вероятности декларирования тех или иных принципов: «выступает за усиление военного потенциала России», «выражает интересы малоимущих слоев население

ния», «имеет большой политический вес в обществе» и т.п.).

В наших исследованиях, начатых в то же время, для изучения особенностей восприятия политических лидеров также применялся метод многомерного семантического дифференциала, где в качестве объектов использовались наборы конкретных политических деятелей. При этом испытуемым также предлагалось оценить в качестве объектов «идеального лидера», «мой идеал», «антипатичного мне человека» и «я». В качестве шкал для оценки использовались различные личностные характеристики (грубость, терпимость, интеллект, прямота и др.) [12; 14; 15]. Отметим, что включение в дизайн исследования в качестве объектов оценивания «идеала», «антиидеала» и «я» позволяет охарактеризовать особенности идентификации испытуемых с тем или иным политическим лидером, а также выявить сходство оценок политиков с оценками идеальных/антипатичных социальных образов.

Общая характеристика выборки испытуемых и методика исследования

Настоящее исследование продолжает цикл наших работ, посвященных изучению политических предпочтений современной молодежи [12; 13; 14; 15].

Его особая актуальность связана с тем периодом, когда проводился сбор данных, а именно накануне выборов президента РФ в 2012 г. В этот период политические лидеры активно борются за предпочтения избирателей, пытаясь увлечь их не только политическими программами, но и стремясь продемонстри-

ровать свои личные качества, которые используются как своеобразные «средства» для достижения своих политических целей. В этой связи важно установить, какие характеристики реально оказываются значимыми для оценки политического лидера. Так, можно предположить, что восприятие строится не на выявлении отдельных личностных качеств, а на основе обобщенных представлений о личности лидера. Отсюда возникает вопрос о структурных содержательных особенностях восприятия политического лидера в массовом сознании. Каковы здесь основные семантические модальности? Насколько дифференцирован личностный образ политического лидера, и по каким основаниям? В какой степени образ политика близок к идеальному образу и представлению избирателя о самом себе?

В исследовании приняли участие 437 студентов из различных московских вузов (119 юношей и 318 девушек), в возрасте 16–18 лет.

Выбор студентов в качестве испытуемых не случаен и обусловлен рядом соображений. Одно из них касается актуальности для них самой темы исследования. Дело не только в том, что исследование проводилось накануне последних выборов президента (в самый пик предвыборных дебатов кандидатов в президенты России, а именно, в последнюю неделю перед мартовскими выборами 2012), но и в том, что для наших респондентов эти выборы стали их первым опытом активного участия в политической жизни страны; тем социальным опытом, когда они получили возможность проявить свою гражданскую позицию. Второй момент заключается в том, что студенческая молодежь представляет со-

бой тот особый социальный слой среди представителей молодого поколения, который обладает не только более высоким интеллектуальным потенциалом, но и культурным и социальным капиталом, позволяющим реализовать стратегию восходящей социальной и профессиональной мобильности. Поэтому для данного слоя отношение к власти имеет совершенно особое значение. Мнение студенчества важно и для власти, поскольку из этой группы и рекрутируется будущая социальная элита страны. И, наконец, в-третьих, важными являются социально-психологические особенности самого возрастного этапа, связанные с юношеским периодом. Его главной особенностью является преодоление кризиса идентичности, когда молодой человек формирует собственное представление о себе и интегрирует различные роли и личностные качества в целостный образ «Я» [19]. В целом перечисленные выше соображения и определяют особую значимость выбора именно студентов в качестве испытуемых в нашем эксперименте, направленном на изучение особенности отношения к политическим лидерам.

Исследование основано на использовании разработанной Ч. Осгудом методики многомерного шкалирования (семантический дифференциал). Respondентам предлагался список политических лидеров, каждого из которых необходимо было оценить по ряду семантических признаков (шкал). При этом выраженность того или иного качества у соответствующего политического лидера оценивалась по семибалльной шкале (где «1» — отсутствие признака, «7» — максимальная выраженность признака).

Для оценки политических лидеров были предложены 33 качества, которые использовались в наших предыдущих исследованиях [12; 14; 15]. Они включают в себя следующие характеристики: *терпимость, честность, ограниченность, порочность, открытость, прямота, сдержанность, поверхностность, эмоциональность, лицемерие, гибкость, надежность, корыстность, принципиальность, невоспитанность, хитрость, остроумие, честность, властность, сила, агрессивность, расчетливость, интеллект, мудрость, мужественность, грубость, компетентность, сложность, внешняя привлекательность, эрудиция, безнравственность, образованность, профессионализм.*

Как мы отметили выше, в разработанной нами методике наряду с конкретными политиками испытуемым предлагались для оценки и такие категории, как «мой идеал», «настоящий политический лидер», «антипатичный человек» и «Я», что позволяет оценить степень принятия/непринятия конкретного политика молодежью, а также выявить особенности идентификации испытуемых с политическим лидером. Кроме того, это дает возможность проследить связь образов реальных политиков с идеальными представлениями, сложившимися в сознании студенческой молодежи.

Поскольку данное исследование является продолжением нашей предыдущей работы [14], то, помимо полностью сохраненного списка личностных характеристик, частично были сохранены и политические лидеры, продолжающие активную деятельность в настоящее время, это: Жириновский, Зюганов, Путин.

В то же время политические изменения, произошедшие в нашей стране, потребовали внести в список таких новых

политиков, по сравнению с 2004 г., как Медведев, Миронов, Прохоров.

И наконец, помимо современных политических лидеров, в качестве объектов оценивания предлагались политические лидеры, которые руководили нашим государством на разных исторических этапах: Ленин, Сталин, Брежнев, Горбачев, Ельцин. Поскольку эти лидеры выступали в качестве объектов исследования и в наших предыдущих исследованиях [12; 14; 15], то это позволяет оценить динамику особенностей их восприятия разными поколениями студенческой молодежи (2004 и 2012 гг.).

Полученные в результате эксперимента материалы были сгруппированы в средние суммарные матрицы исходных данных, где в столбцах фиксировались имена политических лидеров и социальных категорий («мой идеал», «настоящий политический лидер», «антипатичный человек» и «Я»); в строках же – характеристики, по которым они оценивались. Общая размерность матрицы 15 (столбцы) × 33 (строки). Ячейка матрицы (пересечение столбца и строки) определяет среднее балльное значение соответствующей характеристики по семибальной шкале для конкретного политического лидера или той или иной социальной категории. Матрица исходных данных была факторизована методом главных компонент с последующим вращением по критерию «Varimax» Кайзера.

Особенности восприятия политических лидеров России юношами и девушками

В ходе первичной обработки данных была составлена объединенная матрица,

включающая данные по подвыборке юношей и по подвыборке девушек (размерность: 30 (столбцы) × 33 (строки)). В результате факторного анализа было выделено 3 фактора, описывающих 88,6% общей суммарной дисперсии. Рассмотрим содержательные особенности выделенных факторов.

Фактор F1 (64,1%) является биполярным и обозначен нами как «*нравственность, интеллект – безнравственность, поверхностность*» (табл. 1). Его структура выглядит следующим образом.

Таблица 1
Структура фактора F1

Честность	0,92
Открытость	0,91
Надежность	0,89
Внешняя привлекательность	0,85
Компетентность	0,84
Остроумие	0,83
Гибкость	0,82
Образованность	0,8
Эрудиция	0,8
Интеллект	0,79
Терпимость	0,79
Мудрость	0,78
Профессионализм	0,78
Прямота	0,77
Сдержанность	0,71
Мужественность	0,68
Лицемерие	-0,9
Корыстность	-0,9
Порочность	-0,9
Безнравственность	-0,9
Ограниченность	-0,8
Поверхность	-0,8
Невоспитанность	-0,7

Как мы видим, положительный полюс данного фактора определяет комплекс позитивных *морально-нравственных* качеств («честность», «надеж-

ность», «открытость», «терпимость», «прямота», «мужественность»). Данный комплекс коррелирует с положительными интеллектуальными характеристиками личности («интеллект», «мудрость», «остроумие», «эрудиция», «образованность»). Помимо этого, на положительном полюсе фактора F1 расположился ряд качеств, связанных с успешной профессиональной деятельностью («компетентность», «профессионализм»). Таким образом, обобщая, этот полюс фактора, можно определить как «нравственность, интеллект». Противоположный, отрицательный, полюс фактора F1 определяют, в первую очередь, отрицательные морально-нравственные качества («лицемерие», «корыстность», «порочность», «безнравственность», «невоспитанность»). Характерно, что они связаны с негативными оценками интеллектуальных способностей («ограниченность», «поверхностность»). Поэтому отрицательный полюс можно обозначить как «безнравственность, поверхностность». В целом же данный фактор задает оппозицию: «нравственность, интеллект — безнравственность, поверхностность».

Фактор F2 (19,3%) условно можно обозначить как «сила, честолюбие, манипулирование» (табл. 2). Он является униполярным и включает в свою структуру следующие характеристики.

Таблица 2

Структура фактора F2

Властность	0,91
Расчетливость	0,89
Хитрость	0,88
Сила	0,8
Принципиальность	0,77
Сложность	0,74
Честолюбие	0,69

Важно обратить внимание на то, что собственно силовые характеристики («властность», «сила», «принципиальность») здесь высоко коррелируют с такими интеллектуальными особенностями, как «расчетливость», «хитрость». В структуру данного фактора входит также такое личностное качество, как «честолюбие». Таким образом, данный комплекс характеристик, который мы определили как *сила*, по своему содержанию оказывается весьма своеобразным: это *сила*, ориентированная на удовлетворение своего честолюбия, причем, опирающаяся на интеллектуальные способности (ресурсы), связанные с обеспечением успешного социального взаимодействия для удовлетворения собственных амбициозных целей. Иными словами, это особого рода интеллект, сориентированный на социальное превосходство и социальное манипулирование другими. В целом этот фактор можно определить как *сила, честолюбие, манипулирование*. Заметим, что по своему содержанию он соотносим с теми качествами, которые выделяли Н. Макиавелли и М. Вебер, говоря о своеобразной способности политического лидера к поддержанию собственного господства («расчетливости» и «харизме»).

Фактор F3 (5,2%) «интолерантность» (табл. 3). Он является униполярным и по своей структуре весьма прост.

Таблица 3

Структура фактора F3

Эмоциональность	0,9
Агрессивность	0,78
Грубость	0,75

Как мы видим, эмоциональность связана здесь с негативными проявлениями в отношении другого. Причем это откры-

тая, несдерживаемая социальными нормами *непосредственная* агрессивность. Таким образом, данный фактор можно обозначить как *интолерантность*. Заметим, что по своему содержанию этот фактор сопоставим с садистическими тенденциями, которые отмечал Э. Фромм, характеризуя авторитарного лидера.

В целом, результаты факторного анализа показывают, что структура восприятия студенческой молодежью политических лидеров весьма проста и строится относительно трех обобщенных модальностей: 1) «*нравственность, интеллект — безнравственность, поверхностность*»; 2) «*сила, манипулирование*», 3) «*интолерантность*». При этом полученные данные позволяют

охарактеризовать особенности восприятия студенческой молодежью того или иного политического лидера.

В качестве примера рассмотрим распределение оцениваемых испытуемыми в ходе эксперимента политических лидеров (а также «идеала», «идеального лидера», «антипатичного человека» и «Я») в пространстве наиболее мощных факторов F1 и F2 (рис. 1).

Как мы видим, наибольшие положительные значения по оси фактора F1 («*нравственность, интеллект*») имеют «мой идеал», «идеальный лидер» и «Я». Причем характерно, что «мой идеал» и «идеальный лидер» практически не дифференцируются и по своему размеще-

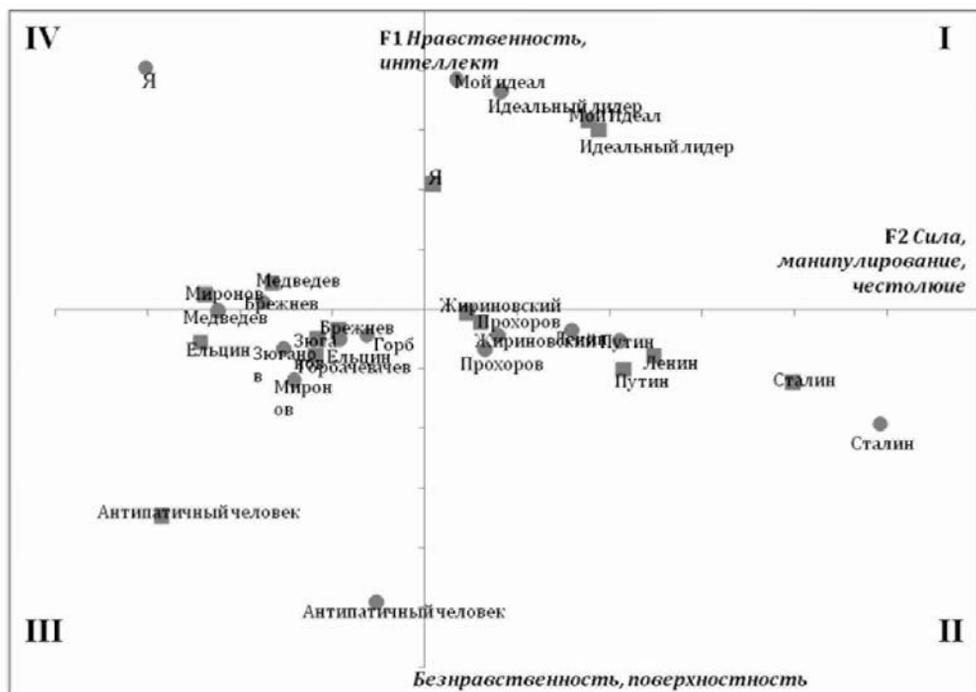

Рис. 1. Размещение российских политиков, «моего идеала», «идеального лидера», «антипатичного человека» и «Я» в пространстве факторов F1 «нравственность, интеллект — безнравственность, поверхностность» и F2 «сила, манипулирование, честолюбие»
 Условные обозначения: квадрат — юноши; круг — девушки

нию близки у юношей и девушек. В зоне выраженных положительных значений лежит и собственная самооценка. Таким образом, студенты (обоих полов) оценивают себя в позитивном плане относительно комплекса нравственных характеристик («честность», «открытость», «надежность», «терпимость», «прямота») и интеллектуальных качеств («интеллект», «образованность» и «мудрость»), которые определяют положительный полюс фактора F1. Важно также и то, что данный полюс связан с профессиональной успешностью. Это качество («профессионализм», «компетентность») для студентов оказывается также важным и при оценке «своего идеала», «идеального лидера» и «Я».

На отрицательном полюсе фактора F1 («безнравственность, поверхностность») с наиболее высокими значениями разместился (у представителей обоих полов) «антипатичный мне человек».

Рассматривая размещение оценок политических лидеров относительно значений по оси фактора F1, следует отметить, что в целом координаты всех политиков лежат в зоне отрицательных (правда, не явно выраженных) значений данного фактора. Это позволяет считать, что оцениваемые российские политические лидеры (как наших дней, так и прошлого) не воспринимаются современной студенческой молодежью как люди, обладающие положительными нравственными качествами. В этом отношении можно сделать вывод о том, что по такому параметру, как *нравственность*, явно проявляется тенденция отчуждения студентов от политической сферы российской жизни; политика не рассматривается ими как та сфера, где они могут найти нравственные личностные образцы, политические лидеры ско-

рее антипатичны. Заметим, что в рамках психоаналитической традиции принято считать, что для авторитарного типа личности характерна установка на отождествление себя с политическим лидером (В. Райх). Поскольку наши данные свидетельствуют о явном разотождествлении «Я» у представителей студенческой молодежи с политическими лидерами, то отсюда можно сделать и вывод о том, что для этой социальной группы не характерен авторитарный тип сознания.

Если обратиться к фактору F2 («сила, манипулирование»), то можно заметить, что он отчетливо дифференцирует российских политических лидеров. Напомним, что при его интерпретации мы характеризовали данный фактор как близкий по своему содержанию к «расчетливости» и «харизме» в понимании Н. Макиавелли и М. Вебера. Наиболее высокие положительные значения по оси этого фактора (как у юношей, так и у девушек) имеют Сталин, Ленин и Путин. Высокие же отрицательные значения — Медведев, Миронов, Ельцин и Брежнев. Это говорит о том, что в восприятии современных студентов они не обладают «харизмой» и не являются сильными личностями, способными к социальному лидерству; им не присущ комплекс качеств, фиксируемых положительным полюсом фактора F2: «властность», «расчетливость», «хитрость», «сила», «честолюбие» и «сложность».

Помимо этого, следует добавить, что по оси данного фактора проявляются значимые различия между самооценкой «Я» у юношей и у девушек. Так, выраженные отрицательные значения «Я» у девушек по оси фактора F2 свидетельствуют о том, что они не склонны фиксировать у себя комплекс характеристик, обозначенный нами как «сила, социальное манипулиро-

вание». Более того, девушки также менее предрасположены, по сравнению с юношами, рассматривать эти качества и как значимые для «своего идеала».

И наконец, подводя итог обсуждению данных, приведенных на рис. 1, заметим, что на этапе завершения кампании по выборам президента РФ (напомним, что исследование проводилось за неделю до завершения выборов президента РФ в 2012 г.) студенческая молодежь не видела среди кандидатов тех, кто оказался бы близок к их представлениям, как об «идеальном лидере», так и об их собственном «идеале». Зона F1+/F2+, определяемая квадрантом I (сочетание «нравственности» и «силы») в этом смысле оказалась «пустой» как для современных политиков, так и для политиков прошлого (рис. 1).

Анализ динамики изменений структурных особенностей воспри- ятия политических лидеров (от 2004 к 2012 году)

Обсуждая в начале статьи вопрос, касающийся характеристик выборки испытуемых, мы отмечали, что студенческая молодежь представляет специальный интерес, поскольку это особый социальный слой внутри молодежной когорты; слой, обладающей значительным культурным потенциалом и социальным капиталом, который ориентирован на восходящую социальную мобильность. Между тем, есть еще один содержательный аспект, который представляет для нас специальный интерес при изучении студенческой молодежи. Этот аспект связан с рассмотрением своеобразия восприятия политических лидеров разными поколениями молодежи. По сути дела, сравнение мнений

разных поколенческих когорт студентов позволяет оценить динамику ценностных изменений, происходящих в массовом сознании. Подобные ценностные тренды крайне важны для понимания своеобразия особенности восприятия политических деятелей на том или ином историческом этапе, в конкретном социокультурном контексте. Так, можно предположить, что в одной исторической ситуации образ политического деятеля представлен в массовом сознании как более сложный и многомерный; в другой же, напротив, персонажи, действующие на политической сцене выступают как более простые (одномерные) фигуры. При этом, безусловно, особую значимость, исходя из уже приведенных выше материалов, имеет вопрос о значимости морально-нравственных качеств при оценке политических лидеров. Эти вопросы мы и попытаемся рассмотреть ниже.

Поскольку в 2004 г. при выборе президента России мы проводили аналогичное исследование с использованием той же самой методики [13], то мы имеем возможность сопоставить содержательные особенности оценки студентами политических лидеров в 2004 и в 2012 гг. В рамках настоящей статьи ограничимся лишь рассмотрением результатов, полученных в этих двух исследованиях на подвыборках юношей.

Поскольку респондентам в обоих исследованиях предлагалось оценить политических лидеров по одним и тем же качествам (шкалам), то специальный интерес представляет именно сопоставление структурных особенностей выделенных факторов. Сразу отметим, что в результате факторного анализа, проведенного в 2004 г., было выявлено четыре фактора, в то время как в 2012 г. их ста-

ло лишь три. Уже сам по себе этот факт достаточно важен, поскольку свидетельствует об упрощении восприятия политических лидеров; сфера политики оказывается в семантическом отношении менее дифференцированной.

Перейдем к более детальному анализу содержательных особенностей выделенных факторов в обоих исследованиях.

Интолерантность/толерантность.

Как в 2004, так и в 2012 г. в подвыборках юношей-студентов был выделен фактор, который задает оппозицию *интолерантность/толерантность*. В целом его структура в обоих исследованиях оказалась во многом схожей. Так, положительный интолерантный полюс фактора в обоих случаях определяют такие личностные качества, как «грубость», «агрессивность», «эмоциональность», «невоспитанность». Противоположный, отрицательный, полюс (*толерантность*) определяет такие качества, как «сдержанность» и «терпимость». Это общая инвариантная для обоих исследований структура семантических оппозиций при оценке политических лидеров.

Вместе с тем, несмотря на отмеченное сходство, обращают на себя внимание следующие два момента, позволяющие говорить о своеобразии восприятия *интолерантных/толерантных* личностных проявлений у политических лидеров в этих двух исследованиях. Во-первых, данный фактор в 2004 г. включал в свою структуру целый комплекс нравственных характеристик. Так, на полюсе *интолерантности* сгруппировались такие качества, как «безнравственность», «порочность», «лицемерие», «корыстность»; на полюсе *толерантности* — «честность». Таким образом, в 2004 г. с ключевой оппозицией, задающей собственно *интолерантное/толерантное* отношение *агрес-*

сивность/терпимость, коррелировало и нравственное противопоставление: *лицемерие/честность*. Иными словами, интолерантным и толерантным проявлениям соответствовали и определенные морально-нравственные оценки.

Во-вторых, важно обратить внимание на существенное изменение, которое касается значимости данных факторов в общей структуре восприятия политических лидеров. Об этом, в частности, свидетельствуют вклады факторов в общую суммарную дисперсию. Так, если в 2004 г. фактор *интолерантность/толерантность* объяснял 31% общей суммарной дисперсии, то в 2012 г. его вес сократился практически вдвое — 18%. Подобное уменьшение вклада фактора *интолерантность/толерантность* в общую суммарную дисперсию позволяет сделать вывод об уменьшении значимости этого параметра при оценке политических лидеров. Заметим, что это происходит вследствие того, что *интолерантные/толерантные* проявления оказываются лишенными (не связываются в сознании) с моральной оценкой.

Сила/поверхностность. Это вторая инвариантная оппозиция, которая проявилась в опросах 2004 и 2012 гг., фиксируемая особым фактором. На его положительном полюсе сила в обоих исследованиях сгруппировались такие характеристики, как «властность», «сила», «хитрость», «расчетливость», «принципиальность», «сложность». Отрицательный же полюс определяется лишь одной характеристикой «поверхностность». Вместе с тем проявилась и достаточно интересная особенность, которая состоит в том, что личностные характеристики, определяющие полюс силы, были связаны в 2004 г. с такими проявления-

ми, как «профессионализм», «компетентность», «честолюбие», вошедшими с высокими весовыми нагрузками в состав положительного полюса данного фактора. Это обстоятельство, на наш взгляд, важно, поскольку *сила* связывалась как с профессиональной компетентностью, так и со стремлением к личностному превосходству. Любопытно, что спустя восемь лет силовые характеристики лишились этих дополнительных коннотаций и оказались в основном связанными только с интеллектуальными способностями («хитрость», «расчетливость», «принципиальность»).

Следует подчеркнуть, что подобное упрощение структуры фактора параллельно привело к тому, что он оказался доминирующим в структуре восприятия политических лидеров. Об этом свидетельствует резкое увеличение его вклада в общую суммарную дисперсию: если в 2004 г. данный фактор описывал 28% общей суммарной дисперсии, то в 2012 — 69%.

Иными словами, «силовая доминанта», связанная с интеллектуальными способностями к эффективному для себя социальному взаимодействию (манипулированию), сегодня определяет оценку политического лидера в массовом сознании студенческой молодежи. При этом подчеркнем еще раз, что подобное проявление *силы* сегодня уже не связывается с профессиональной компетентностью, как это было восемь лет назад.

Помимо рассмотренных выше двух в целом инвариантных факторов, которые были выделены в исследовании 2004 и 2012 гг., обращают на себя внимание и явные структурные изменения в оценке российских политических лидеров. Эта структурная перестройка связана с отмеченным уже выше изменением самого

числа выделяемых факторов — с четырех в 2004 г. до трех в 2012 г. Подобное сокращение произошло за счет слияния двух факторов, «*эрудиция/ограниченность*» и «*честность/лицемерие*» (2004 г.) в один фактор «*нравственность/безнравственность*» (2012 г.). Это структурное изменение отобразено на рис. 2.

Приведенные на рис. 2 данные показывают, что в 2004 г. при оценке политических лидеров юноши-студенты отчетливо дифференцировали их как по интеллектуальным («*эрудиция/ограниченность*»), так и по нравственным («*честность/лицемерие*») основаниям. В 2012 г. подобная дифференциация уже отсутствует: оба фактора («*эрудиция/ограниченность*» и «*честность/лицемерие*») объединились в один фактор «*нравственность/безнравственность*». При этом важно иметь в виду, что подобное слияние шкал, характеризующих нравственные аспекты («честность», «надежность» и др.) с интеллектуальными проявлениями («образованность», «эрудиция» и т.п.), оказалось также связанным и с резким падением значимости этих характеристик в общей структуре восприятия политических лидеров. Если в 2004 г. факторы, характеризующие *эрудицию* и *честность*, вместе давали вклад в общую суммарную дисперсию 32,8%, то в 2012 г. их вклад составил всего 4,7%. Иными словами, нравственный и интеллектуальный аспект при восприятии политических лидеров сегодняшней студенческой молодежью оказывается практически не значимым: сегодня при восприятии политика студенческая молодежь отдает приоритет силовым качествам и способностям, обеспечивающим возможность социального манипулирования.

Возникает вопрос: за счет чего произошли столь существенные деформации в

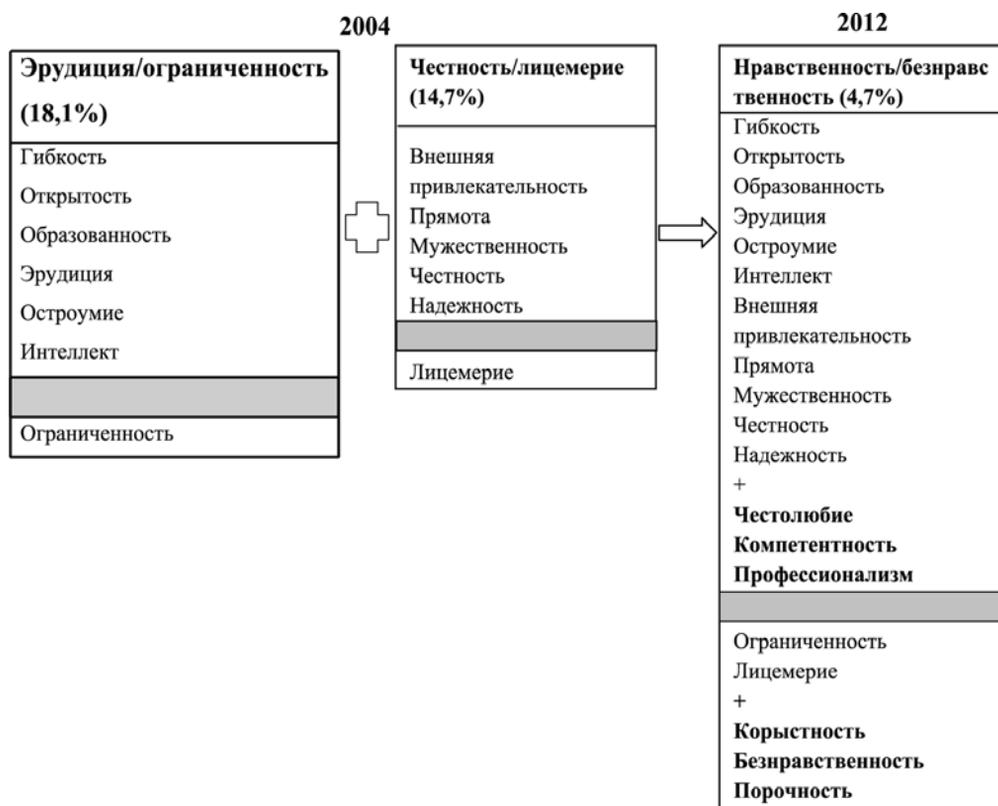

Рис. 2. Изменение структуры факторного пространства восприятия политических лидеров: от 2004 к 2012 г.

Условные обозначения: жирным шрифтом выделены дополнительные новые характеристики, вошедшие в фактор «нравственность/безнравственность» в 2012 г.

структуре восприятия политических лидеров? Поскольку используемые в эксперименте оценочные шкалы в обоих опросах (2004 и 2012 г.) были инвариантны, то можно предположить, что эти деформации связаны со значительным изменением тех объектов (т.е. тех политических лидеров), которые предлагались для оценки студентам. Так, по сравнению с опросом 2004 г. были устранены из списка предлагаемых для оценки лидеров такие политики, как Говорухин, Лужков, Джабраилова, Лебедь, Памфилова, Под-

березкин, Савостьянов, Скуратов, Титов, Тулеев и Явлинский. Вместе с тем, изменив список лидеров, предлагаемых студентам в исследовании 2012 г., мы дополнили его такими политиками, как Медведев, Миронов и Прохоров.

Таким образом, на наш взгляд, именно новый набор политических лидеров и обусловил существенное изменение в структуре их восприятия студентами. Новый состав политических игроков уже не предполагает их сопоставления относительно морально-нравственных

качеств (таких критериев, как «честность», «надежность», «прямота», «лицемерие», «безнравственность», «корыстность», и т.п.). Персонажи, вышедшие на политическую сцену оцениваются относительно их силовых качеств; качеств, связанных, прежде всего, со способностью к социальной манипуляции.

Завершая статью, вернемся к ее эпиграфу. Напомним: «...политик ориентируется на следующие выборы, а государственный деятель — на следующее поколение». Это высказывание позволяет по-новому взглянуть на представленные в статье результаты. И, действительно, поскольку мы выявили явное расхождение в оценках современных российских политических лидеров с представлениями студенческой молодежи о своих идеалах (т.е. расхождение с идеалами «следующего поколения»), то можно сделать вывод о том, что поведение политика в публичном пространстве сориентировано на решении тактических задач, а не на реализацию стратегических целей, связанных с этим будущим поколением. И в этом отношении реальные политики сегодня действительно лишь «политики».

Выводы

По результатам исследования выделим несколько основных моментов, касающихся особенностей восприятия студентами политических лидеров России.

1. Анализ особенностей восприятия студенческой молодежью политических лидеров России выявил факторы, фиксирующие основные критерии (личностные характеристики), по которым респонденты оценивают тех или иных политиков. Полученные данные говорят о

том, что структура восприятия политических лидеров строится относительно трех модальностей, которые характеризуют «нравственность», «силу» и «интолерантность».

2. Второй важный момент заключается в том, что оцениваемые политические лидеры не воспринимаются студенческой молодежью как люди, обладающие положительными нравственными качествами; по параметру «нравственность» явно проявляется тенденция отчуждения студентов от политической сферы, политические лидеры скорее «антипатичны». При этом является важным результатом тот факт, что по фактору «сила» у студентов наблюдается отчетливая дифференциация политических лидеров.

3. Обращает на себя внимание и то, что на этапе завершения кампании по выборам президента РФ студенческая молодежь не видит среди политических лидеров тех, кто бы оказался близок к их представлениям об «идеальном лидере», тем самым, «зона идеалов» оказалась пустой.

4. И, наконец, последним важным результатом является факт, свидетельствующий об упрощении (в семантическом плане) восприятия политических лидеров студентами. Таким образом, при восприятии студентами политиков нравственный и интеллектуальный аспекты оказываются практически не значимыми: сегодня при восприятии политика молодежь отдает приоритет именно силовым качествам и способностям, которые обеспечивают возможность социального манипулирования. Весьма любопытно, что при этом, оценивая «идеального политического лидера», «мой идеал» и «Я», они придают большое значение именно нравственно-интеллектуальным личностным качествам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адорно Т. Исследование авторитарной личности / Общ. ред. В.П. Култыгин. М.: Серебряные нити, 2001. 416 с.
2. Вебер М. Харизматическое господство // Социс. 1988. № 5. С. 139–147.
3. Гуревич П.С. Политическая психология / М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. 543 с.
4. Макиавелли Н. Государь. Размышления над первой декадой Тита Ливия / Пер. с итал. К.А. Тананушко. Минск: Харвест, 2004. 704 с.
5. Маслоу А. Мотивация и личность / Пер. с англ. А.М. Татлыбаева. СПб.: Евразия, 1999. 478 с.
6. Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. / СПб.: Академический проект, 2011. 396 с.
7. Московичи С., Канетти Э. Монстр власти / М.: Алгоритм, 2009. 240 с.
8. Петренко В.Ф. Лекции по психосемантике. Самара: СГУ, 1997. 237 с.
9. Петренко В.Ф. Основы психосемантики: учеб. Пособие. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1997. 400 с.
10. Петренко В.Ф. Психосемантический анализ динамики общественного сознания: на материале политического менталитета / В.Ф. Петренко, О.В. Митина. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1997. 214 с.
11. Райх В. Психология масс и фашизм. М.: Университетская книга, 1997. 380 с.
12. Собкин В.С. Старшеклассник в мире политики. Эмпирическое исследование. М.: ЦСО РАО, 1997. 320 с.
13. Собкин В.С., Буреломова А.С., Смыслова М.М. Представления современного российского подростка о значимых личностных качествах // Социальная психология и общество. 2011. № 1. С. 44–55.
14. Собкин В.С., Ваганова М.В. Политические лидеры России: взгляд молодежи (по материалам психосемантического эксперимента) // Толерантность в подростковой и молодежной среде. Труды по социологии образования. Т. IX. Вып. XVI / Под ред. В.С. Собкина. М.: Центр социологии образования РАО, 2004. С. 160–204.
15. Собкин В.С., Грачева А.М. Возрастные особенности ориентации в социально-профессиональной сфере // Жизненные ориентации учащихся и проблемы современного образования: сб. науч. трудов / Отв. ред. В.С. Собкин. М.: Изд. АПН СССР, 1990. С. 102–130.
16. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: АСТ, 2011. 288 с.
17. Швейнов В.П. Психология лидерства, влияния, власти. Минск: Харвест, 2008. 652 с.
18. Шестопал Е. Восприятие образов власти: политико-психологический анализ // Политические исследования. 1995. № 4.
19. Эриксон Э. Идентичность, юность и кризис. М.: Флинта, 2006. 352 с.
20. Osgood C.E. The nature and measurement of meaning // Psychological Bulletin. 1952. № 49. С. 197–237 с. <http://dx.doi.org/10.1037/h0055737>

Features of Perception of Modern Russian Political Leaders in University Students (A Psychosemantic Research)

V.S. SOBKIN*,
Moscow, Russia,
sobkin@mail.ru

M.A. MNATSAKANYAN**,
Moscow, Russia,
004000@inbox.ru

The paper presents outcomes of a research on features of perception of modern Russian political leaders in young people. A technique of multi-dimensional semantic differential was employed: the subjects were asked to assess 15 objects (political leaders, 'my ideal', 'ideal leader', 'antipathetic person' and 'Myself') according to 33 personality traits using a seven-point scale. The outcomes suggest that the structure of the students' perception of political leaders is quite simple and is based on three modalities: 'morality', 'power' and 'intelligence'. Comparing these outcomes with the research data obtained in 2004 using the same technique allowed the authors to conclude that the students do not assess modern political leaders according to the moral qualities of the latter, but rather perceive them through the qualities of power associated with social manipulation.

Keywords: political leaders, leadership, semantic differential, social psychology, political psychology, students.

REFERENCES

1. Adorno T. Issledovanie avtoritarnoi lichnosti [The study of the authoritarian personality] / Obshch. Red. V.P. Kulygina, Moscow: Serebryanye niti, 2001. 416 p.
2. Veber M. Kharizmaticheskoe gospodstvo [Charismatic domination] / Moscow: Sotsis, № 5, 1988.
3. Gurevich P.S. Politicheskaya psikhologiya [Political psychology] / Moscow: YuNITI-DANA, 2010. 543 p.
4. Makiavelli N. Gosudar'. Razmyshleniya nad pervoi dekadoi Tita Liviya [Emperor. Thinking on the first decade of Livy]/ per. s ital. Tananushko K.A. / Minsk, 2004.

For citation:

Sobkin V.S., Mnatsakanyan M.A. Features of Perception of Modern Russian Political Leaders in University Students (A Psychosemantic Research). *Sotsial'naiia psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2015. Vol 6, no. 3, pp. 46–63. (In Russ., abstr. in Engl.). doi: 10.17759/sps.2015060304.

* Sobkin Vladimir — Doctor in Psychology, professor, member of the Russian Academy of Education (RAE), director, Institute of Sociology of Education RAE, Moscow, Russia, sobkin@mail.ru

** Mnatsakanyan Milena — Junior researcher, Institute of Sociology of Education of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia, 0040000@inbox.ru

5. *Maslou A.* Motivatsiya i lichnost' [Motivation and personality]/ per. s angl. Tatlybaeva A.M. / Saint Petersburg: Evraziya, 1999.
6. *Moskovichi E., Kanetti E.* Monstr vlasti [Monster of power]/ Moscow: Algoritm, 2009.
7. *Moskovichi E.* Vek tolpa. Istoricheskiy traktat po psikhologii mass [Century of throng. Hystorical treatise of the psychology of the masses] / Saint Petersburg: Akademicheskii proekt, 2011.
8. *Petrenko V.F.* Lektsii po psikhosemantike [Lectures about the psychosemantics] / V.F. Petrenko / Samara, 1997. 237 p.
9. *Petrenko V.F.* Osnovy psikhosemantiki [The base of psychosemantics]: ucheb. posobie / V.F. Petrenko / Moscow, Ed. Moscow State University, 1997. 400 p.
10. *Petrenko V.F.* Psikhosemanticheskii analiz dinamiki obschestvennogo soznaniya: na materiale politicheskogo mentaliteta [Psychosemantic analysis of the dynamics of social consciousness on the material of political mentality] / V.F. Petrenko, O.V. Mitina / M.: Izd-vo Moscow. Ed. Moscow State University, 1997. 214 p.
11. *Raikh V.* Psikhologiya mass i fashizm [Psychology of mass and fascism] / M.: "Universitetskaya kniga" ["University book"], 1997. 380 p.
12. *Sobkin V.S.* Starsheklassnik v mire politiki. Empiricheskoe issledovanie [High school student in the world of politics. An Empirical Researches] / M.: TsSO RAO, 1997. 320 p.
13. *Sobkin V.S., Burelomova A.S., Smysova M.M.* Predstavleniya sovremennogo rossiiskogo podrostka o znachimykh lichnostnykh kachestvakh [Modern Russian Adolescents' Notions of Significant Personal Traits] // Social'naya psihologiya i obshestvo [Social Psychology and Society]. 2011. no. 1, pp. 44–55.
14. *Sobkin V.S., Vaganova M.V.* Politicheskie lidery Rossii: vzglyadmolodezhi (po materialam psikhosemanticheskogo eksperimenta) // Tolerantnost' v podrostkovoi i molodezhnoi srede. Trudy po sotsiologii obrazovaniya. [Political leaders of Russia: a view of young people (based on psychosemantic experiment) // Tolerance in adolescent and youth. Works on the sociology of education. T. IX. Vol. XVI.]/ Ed. V.S. Sobkin / M.: Tsentri sotsiologii obrazovaniya RAO [Center for the Sociology of Education] 2004. 160–204 p.
15. *Sobkin V.S., Gracheva A.M.* Vozrastnye osobennosti orientatsii v sotsial'no-professional'noi sfere [Age peculiarities of orientation in social and professional life] // Zhiznennyye orientatsii uchashchikhsya i problemy sovremennogo obrazovaniya [Life orientation of students and problems of modern education] Sb. nauchn. Trudov / Otv. Redaktor V.S. Sobkin. Moscow: Izd. APN SSSR, 1990. 102–130 p.
16. *Fromm E.* Begstvo ot svobody [Escape from Freedom] / M.: Ast, 2011. 288 p.
17. *Shveinov V.P.* Psikhologiya liderstva, vliyaniya, vlasti [Psychology of leadership, influence, power] / Minsk: Kharvest, 2008.
18. *Shestopal E.* Vospriyatie obrazov vlasti: politiko-psikhologicheskii analiz [Perception of the image of power: political-psychological analysis] // Politicheskie issledovaniya [Political researches] / Moscow: 1995. № 4.
19. *Erikson E.* Identichnost', yunost' i krizis [Identity, youth and crisis] / Moscow: Flinta, 2006.
20. *Osgood C.E.* The nature and measurement of meaning, Psychological Bulletin, 49 (1952), 197–237 p. <http://dx.doi.org/10.1037/h0055737>